

*«Если вы не будете ходить на похороны
других людей, они не придут на ваши».*

Кларенс Дэй

II

— Ганн, неужели ты вытащил меня из дома в эту дыру только для того, чтобы показать выступление какого-то гребаного хиппи?

— Во-первых, не вытащил, а культурно привел в лучший клуб Лос-Анджелеса. А во-вторых, этот парень — не какой-то гребаный хиппи, а восходящая звезда. Правда, пока только в узких кругах.

23 августа 1994 года, 23:01. Богемное общество Лос-Анджелеса начало охоту за удовольствиями в самых экзотичных клубах с плохой, по мнению обычных работяг, репутацией. Одним из таких заведений был PRIVATE CLUB. Он чем-то напоминал синюю обувную коробку из-за крыши с завернутыми выпуклыми краями. Фасад небольшого одноэтажного заведения был облицован темным кирпичом, а металлический козырек

МЕДИНА МИРАЙ

с тонкими колоннами покрывало темное пластиковое стекло.

Если вы богаты и не прочь прожечь пару тысяч долларов за одну ночь, хотите побаловать себя первосортной выпивкой, случайными связями и выступлениями восходящих звезд, которых через год либо будет знать вся страна, либо найдут в собственной блевотине в каком-нибудь придорожном мотеле, то PRIVATE CLUB просто создан для вас.

Находясь в самом конце Лидстрип-стрит, он умудрялся каждую ночь набиваться посетителями до отказа. Цена на пропуск составляла около пятисот долларов. Эта пластиковая карточка — доказательство того, что ты готов отдать хозяину клуба как минимум столько же за одну ночь. И неважно, снимаешь ты кого-то, покупаешь коктейль либо наркотики или заказываешь выступление — стоили все эти удовольствия дорого.

Мы с Ганном приближались к клубу, неспешно прогуливаясь по освещенной Лидстрип-стрит. В глаза порой бил яркий свет фар несущихся навстречу машин, заполненных пьяными шумными детишками богатеев со своими живыми куклами.

Ганн рисковал свернуть себе шею, разглядывая проходящие мимо пьяные компании. Ему было тридцать шесть, но выглядел он на все сорок пять из-за вечно растрепанных золотистых волос до плеч, небритого лица и потускневшей из-за алкоголя и сигарет кожи.

РЕКА МОИХ СОЖАЛЕНИЙ

В последнее время цвет его лица приобрел грязно-зеленоватый оттенок. Если его умыть, побрить, хорошенько причесать, заставить месяц качаться, чтобы хотя бы убрать дряблость рук, выпятить вперед впалую грудь, выпрямить осанку и подобрать ему приличную одежду, выбросив старые растянутые рубашки с обесцветившимися штанами, то он стал бы похож на Тора из комиксов «Марвел».

Тор — мой любимый персонаж. А Ганн — мой *настоящий отец*. Из общего у них на данный момент только любовь к выпивке. Но Тор не конченый алкоголик.

— Поверь мне, Питер, — размахивая руками, Ганн чуть не задел влюбленную парочку. — Вы должны познакомиться. Он делает успехи в музыке, которой ты хочешь заняться, а ты делаешь успехи в кино, которым хочет заняться он.

— Мои попытки пробиться в большое кино уже можно называть успехами?

— Учитывая твой возраст и то, что тебе не пришлось ни с кем спать ради главной роли, — да.

Ганн иногда говорил с хрипотцой, но сейчас он не просто хрипел, а давился этим хрипом и был похож на бомжа. Не хватало только бутылки и пары синяков на лице. Вообще этот неаккуратный образ Ганна — его фишка как музыканта. Людей всегда привлекают те, кто отличается от других, будь то внешне или внутрен-

МЕДИНА МИРАЙ

не. Но своим образом Ганн доказывал, что внутри у него ничего, кроме органов, нет, а сделать привлекательную внешность — да пожалуйста!

— Ты знаешь, что я не люблю знакомиться. — Я ткнул его в грудь, пока он откашливался, и поправил свою челку, но задел круглые очки, и они чуть не упали на землю.

— Сними уже их, — сделал мне замечание Ганн, продолжая ход. — Сейчас ночь, в них ничего не видно. Собьешь кого-нибудь.

— И это мне говорит человек, который даже без очков и со стопроцентным зрением ничего не видит.

Ганн ухмыльнулся, сжимая меня за плечо. Он был выше меня сантиметров на десять и казался бы еще выше, если бы не горбатился.

— Думаешь, что в свои восемнадцать ты такой умный, всезнающий и всемогущий... Люди тянутся к тебе из-за привлекательной внешности и даже готовы за нее платить. Они хотят быть с тобой из-за твоей обертки, а не из-за того, что у тебя внутри, в твоей душе. А там одна лишь тьма.

— Душа, заполненная тьмой, лучше души пустой.

На этот раз я услышал смешок. Ганн заговорил размеренным голосом:

— Ты прав, но меня печалит твой образ жизни. В последнее время ты подсел на наркотики. И принимаешь их не каждый день, чтобы организм привыкал, а через

РЕКА МОИХ СОЖАЛЕНИЙ

два-три дня. Иногда даже с большим перерывом. Однажды твоё тело этого не вынесет.

Я закатил глаза. Как же я устал от этих разговоров. Меня бесила чрезмерная забота Ганна. Да, я считал его своим *настоящим отцом* потому, что он научил меня жизни, сделав то, чего не смог сделать ни один из моих родных родителей, но все же...

— Это моя жизнь. Я делаю то, что хочу, — сказал я резче, чем хотел. А может, я так и хотел.

Я устал быть ребенком, ждать момента, когда на меня станут смотреть как на равного, выслушивать упреки от людей, которые ничем не лучше. Знаете, что Ганн обычно делал после подобных резких ответов? Убирал руку с моего плеча и продолжал идти рядом со мной, но уже молча. А знаете, что он в итоге сделал на этот раз? То же самое!

Но спустя ровно две минуты — я даже засек! — он сказал:

— Если будешь употреблять наркотики, бросаясь из крайности в крайность, не доживешь даже до премьеры «Дневника баскетболиста» в следующем году.

— Прекрасно! О большем я и не мечтаю. Ведь, уверен, после этой экранизации романа Кэролла Джима ты от меня не отстанешь. Ты заставлял меня перечитывать это художественное пособие для наркозависимых четыре раза!

— Неужели ты все разы послушно читал?

МЕДИНА МИРАЙ

— Ну конечно же нет!

Он тяжело вздохнул.

— Жаль, что, когда мне было восемнадцать, не нашлось человека, который говорил бы мне то же, что говорю тебе я.

Я собирался сглотнуть, но от услышанного затаил дыхание всего на пару секунд. Ганн даже не заметил этого.

Забота моего *настоящего отца* — одно из лучших дел, что происходили в моей жизни. Чувствовать себя маленьким птенцом под теплым крылом родителя, укрывающего тебя от холодного дождя, — большая ценность. Но я был непослушным птенцом, которому так и хотелось выпрыгнуть из гнезда. Меня ловили, тщательнее укрывали, но я все выпрыгивал и выпрыгивал.

Каждый раз, делая это, я в голове прокручивал мысль: «Это неправильно. Это погубит меня. Есть люди, которым я дорог».

Похоже, не так уж сильна моя любовь к этим людям. А может, эта любовь — мой предел. Просто я не могу любить сильнее.

Любовь — временное явление. Ее срок годности истекает быстрее, чем у колы.

Мне никогда не нравилась Лидстрип-стрит по ночам: из-за PRIVATE CLUB она оживала и сияла сотнями красок. Соседние заведения врубали на всю мощь

РЕКА МОИХ СОЖАЛЕНИЙ

музыку 90-х, и даже восторженные крики проезжающих на дорогах тачках подростков не могли ее заглушить. В воздухе витала атмосфера веселья, смешанная со смрадом алкоголя.

Алкоголь и веселье для посетителей клубов — синонимы.

Впереди показался знакомый уголок. Люди толпились возле входа в клуб: одни смеялись, другие ругались с охранниками, убеждая, что забыли свой пропуск, а третьи молча стояли и наблюдали.

Я нащупал в кармане кожаной куртки свой пропуск, хотя охранники уже не раз пропускали меня и без него благодаря Ганну, частому гостю этого заведения и другу его хозяина. И все равно каждый раз я нервничал. Все боялся, что им что-то не понравится и меня опозорят громким отказом.

В тот момент, словно уловив мое сомнение, Ганн положил руку мне на плечо и сказал с доброй улыбкой:

— Ты выглядишь классно, как всегда.

Его взгляд плавно спустился на мою куртку. Именно Ганн подарил мне ее на восемнадцатилетие.

Мы подошли ко входу. Охранники, не потребовав пропуска, открыли путь в обитель любителей удовольствий.

Я готовился в очередной раз погрузиться в «богемную тьму».

2

У каждого присутствующего здесь своя история, и большую часть ее составляет трагедия. Это уже как закономерность: если кто-то несчастен в материальном плане, то он счастлив — в духовном. Или наоборот. Или несчастен во всех отношениях.

А есть такие люди, как я. Их здесь половина клуба. Бесцельно прожигающие свою жизнь существа, живущие от одной вечеринки до другой, качающие деньги друг у друга ради оплаты экзотического удовольствия, забывая и мнимой скоротечной свободы. Я не любил такие тусовки — это меня отличало от остальных, но рискнуть ради пары минут блаженства — думаю, оно того стоит, если твоя жизнь практически не имеет цены.

Кто-то восхваляет тебя, кто-то ненавидит. Все это должно наводить на мысли, что ты живешь, ты важен

РЕКА МОИХ СОЖАЛЕНИЙ

и заставляешь кого-то думать о себе. Но что делать, если тебе все равно? Если в свои восемнадцать ты не видишь ни одной причины жить дальше? Если ты четко знаешь, что это не имеет смысла, потому что однажды наступит конец, после которого ничего не останется?

ВСЕ БЕСПОЛЕЗНО.

В погоне за деньгами люди не замечают, как пролетает жизнь. Очень поздно они понимают, что с самого начала растрачивали себя неправильно.

Я не гнался за деньгами и все равно чувствовал, как быстротечна жизнь. Ее воды несли меня в туманные края, в которых я, как и все остальные, однажды исчезну и не смогу найти дорогу назад.

Мне стоило спросить себя, чего же я хочу, чтобы выпасть из реальности, и не только бессмысленно искать ответ на этот вопрос, но и забыть о том, кто я есть.

Я просто плыл в лодке, которой управлял кто угодно, но только не я, а ведь иногда так хотелось повернуть ее в другую сторону. Но тут же возникала мысль: «Зачем? Мне и так хорошо» — и я вновь садился на место, и аморальные самобичевания начинались заново.

Из размышлений меня вырвал Ганн, взяв за руку выше локтя.

— Почему ты такой хмурый? Улыбнись.

И я улыбнулся. Почти искренне. На этот раз моей лодкой руководил Ганн. Кто следующий на очереди?

МЕДИНА МИРАЙ

Мы проталкивались через толпу.

Напротив входа в зал располагалась небольшая сцена. Никаких лишних декораций: только драпированная синей тканью стена, микрофон, барабанная установка на заднем плане и падающий точно на фигуру посередине сцены свет прожекторов с металлического каркаса. Сейчас на сцене отжигал парень с гитарой, что-то несвязно шепча в микрофон.

За что я ненавижу PRIVATE CLUB, так это за отсутствие свежего воздуха, толпу и вечную занятость столиков: за ними сидело около восьми человек вместо пяти положенных.

— О, Ганн! Как делишки? — спросил у него кто-то.

Я не стал обращать на очередного приставалу особого внимания, без интереса наблюдая за выступлением музыканта. Лишняя захламленность головы ненужными знакомствами мне ни к чему.

— Отлично! — ответил Ганн, сжимая мою руку сильнее, словно боялся, что люди нас разлучат. — Ты не видел Роллинса?

— Он шатается где-то здесь, от столика к столику. Смотрю, ты снова со своей подружкой. Признайся, она проститутка. Выглядит именно так.

Я обернулся. Вскинул брови, напряг лоб и сжал губы, разглядывая собеседника Ганна с головы до ног. Некогда украшавшая его жирное лицо улыбка медленно исчезла.

РЕКА МОИХ СОЖАЛЕНИЙ

— П-питер Чекфил? Не узнал вас в очках. — Он виновато опустил взгляд. — Я смотрел ваш фильм «На двадцать шагов назад».

«И это, пожалуй, единственный нормальный фильм, в котором я снялся».

Я давно не обращал внимания на такие «восхищения». Особенно от людей, которые только что топили меня в грязи, а теперь старательно пытались восстановить мое ограниченное доверие.

Я демонстративно снял несчастные очки и повесил их на горловину футболки, свободной рукой убрал волосы со лба и развел руками, насколько это позволяли стоявшие рядом люди.

— А так я меньше похож на проститутку?

Ганн с нервным смешком попытался все перевести в шутку, словно не знал, что это бесполезно.

Я слишком вспыльчив и импульсивен. Разозлить меня — дело двух слов, оставить неприятное впечатление о себе в моей памяти минимум на пару лет — дело двух секунд.

Не то чтобы я считал проституцию чем-то неприемлемым. Я и сам не раз обращался к прекрасным обладательницам этого мастерства, но быть предполагаемой проституткой или проститутком — унижение, приравнивание к одному из нижайших слоев общества, к продающим себя за деньги. Это тоже работа, но работа скверная и никем не уважаемая. Даже самими проститутками.

МЕДИНА МИРАЙ

Гитарист сыграл последний аккорд, и зал взорвался от восторженных криков и аплодисментов. Люди начали расходиться по углам и выходить на улицу. Место в радиусе трех метров от сцены мгновенно освободилось, но шума и гомона меньше не стало. Выступавший парень сошел со сцены и поспешил к своей компании, принимать поздравления за свою не самую лучшую игру на гитаре из тех, что я слышал, и уж тем более не самое лучшее пение, которое слышали стены этого клуба.

Ганн хлопнул меня по плечу — его манера обращать мое внимание на него — и направился к столику. Рядом с ним маячил уже знакомый мне Роллинс — хозяин PRIVATE CLUB. Я узнал его по длинным кудрявым каштановым волосам. В дурацких джинсах клеш, ботинках и красной курточке нараспашку, демонстрирующей его складчатый живот благодаря обтягивающей майке, он выглядел как... педик. То есть отвратительно, тошнотворно и смехотворно, а не в значении слова «гей». Нет, у этого мистера были и жена, и дочь, но бог его знает, чем и с кем он балуется в частных комнатах клуба.

— Кого я вижу! — Он повернулся к нам и хлопнул в ладоши: — Да это же мои долгожданные гости! — он слащаво улыбнулся мне, и я почувствовал холодную дрожь по всему телу от одной лишь мысли о его тайных желаниях.

РЕКА МОИХ СОЖАЛЕНИЙ

— Привет, Роллинс. — Ганн приобнял его и указал на меня: — Вы уже знакомы, да?

— Конечно! — Он сложил пальцы в замок. — Как же не знать Питера. Восходящая звезда кино. Может, пока не в таких широких кругах, как хотелось бы, но все впереди. Во всяком случае, моя дочь в тебя влюблена.

Я с усилием спрятал ухмылку.

Постоянное внимание девушек — это еще одна прелесть жизни мужчины. Ты никогда не будешь нуждаться в чем-нибудь мягком, нежном теле, что согреет тебя этой ночью, но когда людей, готовых предоставить такую возможность, много, тебе невольно это надоедает и ночь наедине с собой представляется блаженнее ночи с какой-нибудь красоткой.

— Я польщен, — выдал я ядовито, но Роллинс проглотил это с удовольствием. Я чувствовал его повышенное внимание к себе, порожденное в слиянии самых грязных человеческих чувств: похоти и жадности.

По взгляду Ганна я понял, что ему не нравится мое поведение, но он собрал в себе последние капли трезвости, чтобы улыбнуться своему приятелю и напомнить ему:

— Он уже выступал?

— Нет, сейчас как раз должен. Парень что надо. Он сейчас собирается с силами. Пойду, потороплю его. — Он махнул нам и скрылся за дверью рядом со сценой.

Мы остались с Ганном вдвоем. Плюс еще более пятидесяти человек. Я был готов к упрекам и замечаниям,

МЕДИНА МИРАЙ

как всегда, но в этот раз Ганн промолчал. Он устал ругать меня, но все-таки не выдержал:

— Тебя не исправить.

— А есть что исправлять?

Мой характер портился с каждым годом, месяцем и неделей. Богемное общество отравляло его, окрашивая черными красками. Мне стоило бы отдалиться от него хотя бы на время, но эти краски обладали дивным вкусом, отказаться от которого я не мог. Оставалось ждать, когда в моем крохотном стаканчике жизни больше нечего будет отравлять.

— Ты говоришь так, словно сам чист как младенец, только появившийся на свет.

— Я не идеален, но ты... Ты ведешь себя не так. Неправильно. Ты слишком прямолинейен.

Я усмехнулся и встал перед ним, покачивая головой.

— Твоя фишка — ободранный вид, моя фишка — прямолинейность и паршивость. А знаешь, в чем состоит разница? Вид — это оболочка, а прямолинейность и паршивость — это то, что идет изнутри. Как ты и говорил, люди ведутся на мою внешность, но мне есть что им показать из своей души, если захочу. А что можешь показать ты? Доброта и забота давно не в моде. Это неинтересно.

Посетители подняли восхищенный гул, и нам с Ганном пришлось прервать игру в гляделки.

Роллинс провел нас к приватному столику в уголке. Оттуда хорошо можно было увидеть эту «восходящую

РЕКА МОИХ СОЖАЛЕНИЙ

звезду». Я искал его глазами, представляя высокого юношу с короткой стрижкой, татуировками и в модных шмотках. Но либо я слеп, либо искал не того, кого нужно.

Люди продолжали присвистывать и хлопать, смотря в уголок сцены, в ту часть помещения, обзор которой был нам с Ганном недоступен.

На сцену неспешно вышел парень с гитарой в руках. Он был высоким, но совсем не таким, каким я его представлял: вместо модной рокерской одежды — свободные джинсы, рубашка в клетку и тонкая куртка, вместо короткой стрижки — роскошные светло-русые волосы. Он пригладил к макушке выбившуюся на лоб прядь, улыбнулся малочисленной элитной публике. Его длинные пальцы обхватили микрофон, и по залу пронесся слегка грубоватый голос:

— Привет. Благодарю, что пришли сегодня. Меня зовут Колдер, и сейчас я исполню песню *«Но мы можем стать частью этого мира»*.

Самое банальное и детское представление музыкантов, которое я слышал в этом клубе.

— Сколько ему лет? — спросил я у Ганна.

Официантка поставила нам по банановому коктейлю с душистой пенкой.

— Девятнадцать. — Ганн отпил своего напитка. — Сирота, начинавший свой творческий путь с покорения уличной аудитории.

МЕДИНА МИРАЙ

— Отличная сказочка для привлечения внимания.

— Это тот случай, когда сказка полностью совпадает с действительностью.

— Я не верю, что можно прийти с улицы в шоу-бизнес так быстро и удачно. Либо он чей-то ухажер, либо за ним самим ухаживают.

Ганн тяжело вздохнул, собирая волосы в хвост.

— Все в твоём понимании извращено до предела. Ты ничему не веришь. И никому.

— Кроме тебя, мой *настоящий отец*, — последние слова я произнес с теплотой в сердце. Я улыбнулся Ганну, хотя он не увидел этого.

Порой мне хотелось показать ему свою любовь и признательность, но гордость не позволяла, напоминая, что проявление сердечных теплых чувств для такого морального уродя, как я, — постыдный поступок.

Если человек способен любить и быть признательным хотя бы в глубине души, мысленно стыдясь этого, может ли он избавиться от поставленного собой же клейма?

Ганн не считает меня плохим, но я уже давно ходил по лезвию ножа его терпения. Одна капля крови — и все может рухнуть.

Я всегда любил испытывать судьбу. Все-таки я тот самый непослушный птенец, вечно пытающийся выбраться из гнезда, несмотря на то что еще не умею летать.

РЕКА МОИХ СОЖАЛЕНИЙ

«А может, птенцы выпрыгивают из гнезд потому, что глупы?»

Все, что сейчас оставалось делать, — это пытаться насладиться игрой музыканта и певца в одном лице.

Я очень критичен и непоколебим. Так удиви же меня, «восходящая звезда» Колдер.